
 МОВСЕС ДЕМИРЧЯН

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЗАПАД-ВОСТОК НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

О нарастающем цивилизационном противостоянии, основанном на культурных феноменах, еще более десяти лет назад предвещал С. Хантингтон: «В нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Нация-государство останется главным действующим лицом в международных делах, но наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики».¹

Вместе с тем общепризнано, что современное развитие мировой цивилизации разворачивается преимущественно по оси Запад-Восток, последние же в нынешних условиях мировоззренческих войн выступают как альтернативные возможности мироустройства и миропонимания, обладающие своим особым генотипом и внутренней логикой развития.²

Однако, если западные идеологи во главе с Ф.Фукуямой наделяли ценности именно западной культуры (либеральную демократию и экономическую модель роста)³ атрибутами *универсальности*, то об обратном, то есть о культурной *неоднородности* процессов глобализации, свидетельствуют такие реалии нашего времени, как выделение в процессе экспансии ценностной западной цивилизации особой американской модели культуры, претендующей на "приватизацию будущего" не меньше, чем современные тенденции мусульманизации мира. Ввиду этого следует признать наличие в современном мире одновременно идущих процессов глобализации, в

¹ Сэмюэль Хантингтон. *Столкновение цивилизаций*. М., Изд-во АСТ. 2003, с.33

² Ф.Х. Кессиди. *Глобализация и культурная идентичность*.// *Вопросы философии*. 2003 N1 с. 77

³ Ф. Фукуяма. *Конец истории?// Вопросы философии*. 1990 N3, с.136

теоретическом плане выражающихся в таких концепциях глобализма, как вестернизация, американизация и мусульманизация, которые, в свою очередь, вносят определенную конкретику в осмыслении современного противостояния культур Запада и Востока.

Так, рассматривание глобальных поликультурных процессов сквозь призму взаимоотношений Запад-Восток предполагает, по крайней мере, подсознательное принятие единства и целостности как западной, так и восточной цивилизаций. Между тем, согласно Хантингтону, более продуктивным является указание на культурный плюрализм, присущий обоим вышеупомянутым цивилизациям. «Японская, китайская, индуистская, мусульманская и африканская цивилизации имеют мало общего в религии, социальной структуре и преобладающих ценностях. Единство не-Запада и дихотомия Запад-Восток – мифы, созданные Западом. Существование всего двух полюсов культуры, «Востока» и «Запада», также предполагает принятие широко распространенного и ошибочного отождествления западной и европейской цивилизаций. Вместо выражения «Восток и Запад» более уместно употреблять «Запад и остальные», что, по крайней мере, подразумевает существование многих не-Западов»⁴. Излишне напоминать, что концепция Хантингтона нашла свое своеобразное воплощение и в ставшей чуть ли не девизом глобализации идеологии «The West against the Rest».

Очевидно, под вестернизацией следует понимать распространение преимущественно (но не только) ценностей именно европейской культуры, богатой историческим прошлым и гуманистическими традициями. Открывшийся в конце XX века «не-Западу» Запад предстал именно в своем культурном многообразии, основанном на вековых традициях и обогащенном современным опытом культурного диалога европейских многонациональных государств. Именно в европейской культуре зародились уже ставшие «знаменосцами» глобализации «Концепция прав человека» и, например, «Право наций на самоопределение».

Не удивительно, что вестернизацию на начальном этапе сравнивали (а иногда и отождествляли) с модернизацией, с процессами осовременивания не-западных обществ. Лишь осознанная впоследствии угроза потери национальной самобытности и «буйство» национальных культур в

⁴ Самюэль Хантингтон. Указ. соч., с.33-34

поисках идентичностей вызвали к жизни интерпретацию вестернизации как глобализации, как процесса, имманентно таящего в себе опасность нивелирования национально-культурного многообразия и навязывания всему миру единой культуры, одной мировоззренческо-поведенческой модели.

Если современная Европа являет собой яркий пример построения и сожительства национальных государств, когда «нация, формируясь на базе собственного субстрата – этничности, исторически добивается такой собственной организационной формы как национальная государственность, которая призвана выполнять вполне определенную миссию относительно индивида, всей национальной общности»⁵, и если в процессе вестернизации распространяются и такие культурные феномены, которые лежат в основе вышеупомянутого процесса,⁶ то в случае другой концепции глобализма – американизации, ни о какой национальной культуре говорить не приходится: короткая (чуть более двухсот лет) история сосуществования на американской земле представителей чуть ли не всех наций, этносов и конфессий предполагала создание социальной структуры, стоящей выше национальных интересов и религиозной розни. Экономическая модель роста общества в своем американизированном варианте, как базовая концепция для построения подобной социальной структуры, в пределе (в случае становления глобального мира под эгидой американской модели культуры) предстает как известная концепция «максимизации прибыли», о чем, в частности, вещал Ф.Фукуяма, прогнозировавший торжество «потребительской культуры в будущем»⁷.

Очевидно, что на начальных этапах глобализация, как объективный и неизбежный этап развития мировой цивилизации, представляет собой выраженную экономическую глобализацию, распространение модели Номо Есопоmісис-а на не-западные общества.

Ответной реакцией на угрозу становления безальтернативного однообразного мира в современных условиях является также возрождение религиозного чувства⁸, начиная от таких его проявлений, как исламский

⁵ Мнацаканян М.О. Интегрализм и национальная общность как социальная реальность. // Социологические исследования. 2001. №3, с.76

⁶ Согласно одной из версий, феномен национального государства является продуктом именно европейской культуры. См. Нации и национализм. М. Праксис. 2002.

⁷ См. Ф.Фукуяма. Указ. соч., с.137

⁸ *La revanche de Dieu (фр.) – реванш Бога.*

фундаментализм и до всевозможных сект и новых религиозных учений. Не случайно, что современный мир именуется как Новое Средневековье, исходя из таких характерных черт нашего времени, как усиление роли церкви во внутриполитической жизни государства и влияние мировых религий на глобальные процессы современности.⁹ Последнее подтверждается, в частности, тенденцией мусульманизации современного мира, или, по выражению С.Хантингтона, исламизацией современности. В значительной мере это связано, по-видимому, с демографическим ростом в восточных странах и распространением приверженцев ислама и, значит, исламской культуры по всему миру. Отчасти этому способствует и то обстоятельство, что один из исламских «канонов» гласит о священном долге каждого мусульманина обратить в свою веру хотя бы одного человека¹⁰. Возможно, последнее во многом обусловило особенность модели самоидентификации приверженцев ислама, а именно - не через национальный или этнический признак, а посредством религиозного фактора. Чувство принадлежности к бесчисленному множеству мусульман и апелляция к Богу как «высшей нравственности» могут создать определенную психологическую основу для принятия исторической и моральной оправданности современных «запредельных» выражений концепций «джихада» или «смерти во имя Бога».

Следует отметить, что терроризм, которому мировое сообщество объявило бескомпромиссную войну, в современных условиях является выражением интересов малых групп населения. Особенности исламского терроризма обусловлены, прежде всего, религиозной мотивацией членов группы, фанатизм коих позволяет идти на смерть с "презрением к смерти" и уверенностью в нравственно-этической оправданности своих действий. Гибель во время джихада является, по их мнению, прямой дорогой в рай, и не удивительно, что террористы не только готовы, но и стремятся умереть "во имя Бога". Так, теракт для исламского смертника является еще и актом спасения, своего рода личным делом. Терроризм как таковой является во многом следствием невозможности масштабного военного ответа на агрессию за-

⁹ См., например, Митрохин Л.Н. *Религия и политика. М., Знание, 1991*

¹⁰ Формальная сторона обращения в веру максимально упрощена: достаточно в присутствии мусульманина вслух заявить о желании принять ислам как единственно верную религию.

хватчиков, и, таким образом, представляет тактику малых боевых групп, наносящих точечные удары и избегающих прямого столкновения с более сильным противником. Возможно, война, объявленная коалицией множества государств мировому терроризму, может "просто не состояться".

Традиции интерпретации ислама как «воинствующей религии» придерживается и С.Хантингтон, ищущий подтверждение закономерностей современного столкновения Запада и Востока на религиозной почве в истории взаимоотношений двух цивилизаций, выдвигая исторически сформировавшуюся «модель конфликта христианства и мусульманства»¹¹. Причины постоянства подобной модели кроются, по Хантингтону, в присущих обеим религиям характерных чертах, таких как, например, универсальность (обе религии претендуют на роль единственно правильной), миссионерство как форма распространения и параллельные концепции «крестового похода» и «джихада»¹².

Между тем при проецировании вышеперечисленных обстоятельств на современные условия следует учесть, что никогда прежде мир не стоял «на пороге глобализации», и что именно современные процессы становления единого мира, как объективный и неизбежный этап развития мировой цивилизации, создают условия для актуализации мировоззренческих «пластов» духовной культуры. «Не случайно, что характер преимущественно мировоззренческой войны приобрела уже ставшая реальностью хантингтоновская гипотеза столкновения культур – война между неверно истолкованным религиозным и в не меньшей степени не классическим мирским, в данном случае – американским образом жизни и мышления»¹³.

Именно в современных процессах глобализации выявляются особенности развития той или иной культуры, формирующие, в конечном счете, ее целостность и неповторимость. Очевидно, политика является наиболее активным феноменом на нынешнем этапе диалога культур, и, исходя из особенностей исторического развития, разные культурные феномены в современных условиях приобретают роль политического фактора. Особенно ярко это выражено на примере экономической глобализации,

¹¹ Самюэль Хантингтон. Указ. соч., с.329.

¹² Самюэль Хантингтон. Указ. соч., с.330.

¹³ Հր.Շաքարյան. Աշխարհայացքայինը Հայաստանում աշխարհայացքային պատերազմների դարաշրջանում.// Հայագիտության արդի վիճակը և նրա զարգացման հեռանկարները. Ձեկնաշարների զրկյւմներ. Եր., 2003. с.199.

когда экономическое превосходство используется для достижения политических целей. Под фактическим контролем так называемых транснациональных корпораций сегодня находятся не только национальные экономики отдельных стран, но и целые регионы, представляющие определенный интерес для экономических гигантов. В нынешних условиях денационализация экономики влечет за собой денационализацию общества, с чем в основном связывают современные тенденции денационализации культуры.

В условиях отсутствия государственности функции организации и управления обществом традиционно выполняла культура, и в современных условиях типичным для таких стран является выдвижение на первый план именно культуры как политического фактора. Во внутривнутриполитической жизни общества своеобразным результатом этого являются, например, клановый эгоизм в политике и экономике.

Следует отметить, что особую конфликтность содержит в себе связь политики с иррациональными феноменами. В современных условиях политика, являясь наиболее активным феноменом межкультурных взаимоотношений, одновременно является, по-видимому, и самой персонифицированной, и именно религиозный фактор в политике становится, возможно, одной из основных причин конфликтности современных глобальных процессов.

Развернувшееся вокруг противостояния Запад-Восток современное мифотворчество в общественном сознании формирует особый комплекс *исламофобии*, типичного для наших дней проявления так называемой *культурной ксенофобии*. Представляющее в массовом сознании как борьба "всемирного блага" и "всемирного зла", современное противостояние Запад-Восток приобретает черты мифической "битвы на смерть", образ которой воплощается в жизнь камикадзе – смертниками, действующими, по их убеждению, "от имени бога и во имя Бога". Думается, что преодоление боязни чужой культуры должно осуществиться через диалог культур, через признание и осмысление Другого. Именно со-бытийность в каждой "точке" пространства и времени культур Востока и Запада, и вообще – множества культур, является условием становления единого мира на поликультурной основе.

Между тем культурные предпосылки нынешнего мифотворчества, претендующего на мифологизацию сознания современного человека, обус-

ловлены особенностями развития *определенной* культуры, имеют строго *локальный* характер, и в своем этом качестве лишены атрибута всеобщности. «Мифотворчество, и религиозное, и мирское, всегда имеет *локальный* характер, и потенциально – возможность противопоставления человеческого человеческому. Невозможно общечеловеческое на основе мифотворчества»¹⁴.

Если культурно-религиозные механизмы и выполняли в прежней истории важнейшую организующую (антиэнтропийную) роль¹⁵, то в современных условиях они неизменно выступают как разъединяющие силы, как факторы, препятствующие единению человечества. Несмотря на то, что современные процессы культурных взаимодействий во многом протекают в русле *иррационального*, тем не менее современный диалог культур не сводится к диалогу религий, и тем более неоправданы надежды на выявление общих для разных конфессий принципов нравственности и кодексов поведения. Современное национально-этническое и религиозное возрождение на основе концепции "возврата к истокам" свидетельствует о доминирующей роли приобретений (и во многом еще - пережитков) прошлого как методологических принципах для ориентации в настоящем и построении модели будущего мира. Между тем в современных условиях более чем очевидна необходимость диалога культур преимущественно в русле *рационального*, предполагающего, по крайней мере, отказ от предрасположенности конструировать будущее пережитками прошлого. Тем более, что одна из острейших проблем современности – проблема нравственности, должна решаться не в русле *иррационального*, а в контексте детерминированной единством человечества единой человеческой культуры. Действительное же противоречие между мировоззренческими парадигмами *иррационального* и *рационального* проходит не между «вульгарными» выражениями «Бог есть» и «бога нет», но между верой в антропоморфных субъектов и принятием безличного мирового Абсолюта»¹⁶. Сама идея нравственного идеала (и идея Абсолюта вообще) зародилась в русле рациональности, по всей вероятности как гносеологическая проблема. От

¹⁴ Эп. Сидиришви, Там же, с. 200

¹⁵ А. Назаретян. Столкновение цивилизаций и Конец истории. // ОНС. 1994. №6, с. 144

¹⁶ А. Назаретян. Совесть в пространстве культурно-исторического бытия. // ОНС. 1994. №5, с. 156

того, насколько те или иные культуры ставили перед собой и решали подобные и иные проблемы, во многом зависела и специфика исторического развития той или иной культуры.

Следует учесть, что кризис традиционных культур в современных условиях во многом обусловлен сопутствующей мировой истории тенденцией *неравномерного развития* культур и цивилизаций, в основе которой лежит широкий спектр факторов – и природные (географический детерминизм), и, собственно, культурные (принятие религии, приобретение или потеря государственности, экономический фактор и т.д.). Так, в основе современного противостояния Запада и Востока также не последнюю роль играет феномен неравномерного развития, который особенно актуален именно в процессах глобализации, в тенденциях унификации и нивелирования культурного многообразия.

Одним из основных источников конфликтности в современном мире является неравномерное развитие процессов глобализации, вызывающих к жизни фундаменталистские и иного эмоционально-стихийного толка ответы на угрозу безальтернативности становящегося мира. В данном контексте, пожалуй, процессы глобализации трактуются как направляемые извне, с целью стереотипизации культурного многообразия. Между тем понимание нынешних процессов глобализации именно как *объективных и неизбежных* может создать предпосылки для отказа от концепций "ухода от глобализации" или "создания общества закрытого типа", особо пропагандируемых приверженцами учений преимущественно националистического уклона.